

ПОЛЕ ПОЛА: *в центре и по краям*

Наука так мало знает о происхождении пола,
что эту проблему можно сравнить с мраком,
в который не проникал даже и луч гипотезы.

Зигмунд Фрейд

В общественных науках, да и не только в них, по используемой терминологии довольно легко можно проследить «откуда есть пошла» та или иная концепция, теория или схема. «Откуда» – в самом прямом, т.е. географическом, смысле. Терминологический «импорт» при этом выполняет зачастую не столько функцию «приближения» и «прояснения» смысла новых понятий, сколько является показателем (не)знакомства автора с языком, породившим ту или иную концепцию. Российской философии и социологии пола в этом плане повезло примерно так же, как и современному компьютерному программированию – на первый взгляд русскоязычные тексты без знания английского практически не имеют смысла. Приведу лишь один пример. Кандидат философских наук, считающаяся одним из наиболее квалифицированных экспертов в области «гендерных исследований» в России, следующим образом *объясняет*, что такое «гендер»:

(35)

Гендер является комплексным механизмом – технологией – которая определяет субъект как мужской или женский в процессе нормативности и регулирования того, кем должен стать человек в соответствии с ожиданиями¹.

Дело не столько в том, что из этого определения так и остается неясным отношение «гендера» к процессам «нормативности», «регулирования» и непонятно откуда возникшим «ожиданиям». Проблема в том, что подобного рода риторика дискредитирует саму концепцию философии и социологии пола, возникшую в середине 1980 – 1990-х гг. Если понимать суть этой концепции как стремление продемонстрировать тот факт, что пол был, есть и, скорее всего, останется продуктом культуры, то любой терминологический импорт ключевых понятий превращается в импорт эпистемологический, выполняющий не вспомогательную, техническую, обслуживающую, а скорее ведущую теоретическую функцию. Говоря иначе, в отличие от «винчестеров», «интерфейсов» и «утилит», пол – как и половые отношения – в России существовал задолго до появления специалистов в области *гендерных* исследований, и российской философии пола вовсе необязательно делать вид, что этого не было.

¹ Воронина О. «Введение в гендерные исследования (тезисное изложение лекции)» // *Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96»*. М., 1997. С. 32.

Мне уже приходилось писать о том, как некритическое заимствование терминов порождает концептуальных уродцев типа «социо-гендерных» отношений². В рамках данной статьи я хотел бы показать, что анализ пола как социального института, с одной стороны, и использование методологии современных зарубежных исследований пола и половых отношений, с другой, не ведут с неизбежностью к русификации английских или французских понятий. Иными словами, что «пол» не должен превращаться в «гендер» для того, чтобы стать предметом научного исследования.

В своем *Толковом словаре живого великорусского языка* В. Даль, словно следуя Аристофану из платоновского *Пира*, определяет «пол» как «одну из родовых половин»³, как некую составную, как часть от чего-то целого. Вопрос, естественно, в том, о какой целостности идет речь. Или, иными словами, о том, насколько эта гипотетическая родовая полнота зависит от составляющих ее половин.

На мой взгляд, среди многочисленных интерпретаций сущности пола и специфики его формирования можно выделить три основных подхода. Поскольку каждый из них является целостной теорией, пытающейся найти «корень» проблемы в той *или* иной области, постольку имеет смысл говорить о трех типах теоретического фундаментализма⁴. *Биологический фундаментализм* традиционно связывают прежде всего с именами З. Фрейда и его наиболее педантичных сторонников. *Структурный*, или ролевой, *фундаментализм* получил своё последовательное развитие в работах американского социолога Талкота Парсонса и американского антрополога Маргарет Мид. И, наконец, *символический фундаментализм* принято отождествлять с французским философом истории Мишелем Фуко, психоаналитиком Жаком Лаканом и многочисленной плеядой их последователей, составивших одно из направлений современного постструктурализма и постмодернизма. Кратко остановившись на каждом из этих течений, я попытаюсь далее на конкретных примерах из области антропологии и истории медицины показать, как именно категория «пол» наполнялась конкретным содержанием в конкретные исторические периоды.

² См.: Ушакин С. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // *Человек*. 1997. № 2.

³ Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1990. Т. 4. С. 249.

⁴ Разумеется, фундаментализмом в традиционном смысле этого слова каждое из рассматриваемых теоретических направлений может быть названо лишь условно. Как будет показано далее, ни одному из них не свойственно стремление жестко увязать рассматриваемое явление – пол – с каким-либо *одним* фактором. Скорее, в каждом конкретном случае речь идет об *аналитическом* ограничении спектра рассматриваемых проблем.

Зигмунд Фрейд: «Анатомия – это судьба»

Оговорюсь сразу – несмотря на многочисленные попытки самого Фрейда найти некую *естественную* «первопричину» половых различий, версия о нём как об «основоположнике» биологического фундаментализма, есть лишь одна, при этом наиболее традиционная, из возможных версий. Жак Лакан⁵, а позднее и английский психоаналитик Джульетта Митчелл⁶, «открыли» иного Фрейда, интерпретируя его работы менее буквально и/или делая акцент на его поздних, более философских, трудах. Однако, вне зависимости от степени свободы в интерпретации трудов Фрейда, его имя является знаковым как имя исследователя, впервые заявившего о том, что пол человека не есть нечто однозначное, недвусмысленное и данное от рождения. Пол человека есть производное от его анатомического строения. Однако осознание этой взаимосвязи есть результат социальной практики индивида, есть результат его способности выбрать соответствующую его анатомии модель для подражания. Таким образом, в ходе *пол-яризации* индивида определяющую роль играет его *идентификация*⁷ с матерью *или* отцом, с одной стороны, и осознание им причины различия *между* матерью и отцом – с другой. По меньшей мере три концепции являются ключевыми для понимания процесса половой идентификации в рамках традиционного фрейдизма. Это концепция *бисексуальности*, концепция *эдипова комплекса* и концепция *комплекса кастрации*.

(37)

Идея о бисексуальной природе индивида, выражающейся в стремлении найти такого полового партнера («сексуальный объект» в терминологии Фрейда), который бы объединял в себе «черты обоих полов»⁸, претерпела определенную эволюцию в ходе развития самого психоаналитика. В *Трех очерках по теории сексуальности*, написанных в 1905 г. и затем многократно редактировавшихся, бисексуальность рассматривается в качестве «сексуального отклонения». Однако десятью годами

ПОЛЕ ПОЛА: В ЦЕНТРЕ И ПО КРАЯМ

⁵ Lacan J. *Écrits: A Selection* / trans. by A. Sheridan. New York, 1977.

⁶ Mitchell J. *Psychoanalysis and Feminism: A Radical Reassessment of Freudian Psychoanalysis*. London, 1971.

⁷ Лакан трактует процесс *идентификации*, т.е. процесс обретения *идентичности*, как «трансформацию, происходящую с субъектом в процессе присвоения им определенного образа». См.: Lacan J. The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience // Lacan J. *Écrits*... P. 2. Малькольм Боуи, английский комментатор Лакана, так разъясняет значение процесса идентификации: «Идентификация одного человеческого существа с другим человеческим существом является тем самым процессом, посредством которого становится возможным появление личности (*selfhood*); именно путем последовательной ассимиляции черт окружающих людей формируется то, что так привычно зовется «я» (*ego*) или индивидуальность (*personality*)» (Bowie M. *Lacan*. London, 1991. P. 31).

⁸ Freud S. Three Essays on the Theory of Sexuality // Gay P. (ed.). *The Freud Reader* / Gay P. (ed.). New York, 1989. P. 245.

позже бисексуальность из «отклонения» превратилась в исходную точку процесса полового формирования личности. В сноске, добавленной в 1915 г., Фрейд замечает:

...Психоанализ считает, что факт выбора [сексуального] объекта, не связанный с полом этого объекта, – свобода, одинаково присущая как мужчинам так и женщинам – ...является той основой, на которой посредством ограничения в одном или другом направлении происходит развитие как нормальных, так и инвертированных типов. Таким образом, с точки зрения психоанализа тот исключительный сексуальный интерес, который проявляют мужчины по отношению к женщинам, также является проблемой, которая требует своего объяснения и которая не может трактоваться как самоочевидный факт, основанный на химической природе влечения⁹.

Ещё чуть позже – в 1923 г. в классической работе *Я и Оно* Фрейд уже говорит о бисексуальности как о «конституциональном» для каждого индивида явлении¹⁰. Чем, в свою очередь, объясняется природа самой бисексуальности? По Фрейду – причина этого явления связана с принципиальным половым различием между мужчиной и женщиной, участвующими в процессе развития ребенка. Иными словами, те роли, которые играют мать и отец в ходе становления ребенка, изначально предопределяют (половую) двойственность его развития. Двойственность, устранить которую призван *эдипов комплекс*.

Обычно эдипов комплекс понимается как влечение ребенка мужского пола к матери, сопровождаемое одновременным чувством соперничества с отцом. Хотя и не лишенная смысла, подобная интерпретация упускает из виду несколько важных моментов. А именно: то, каким образом формируется изначальное влечение и то, в какой форме соперничество находит свое решение.

Согласно фрейдистской интерпретации, эдипова драма есть не что иное, как процесс постоянного колебания, постоянного блуждания между двумя полюсами возможных идентификаций. Как пишет Фрейд, отождествление ребенка с матерью на самых ранних стадиях его развития вызвано прежде всего технической причиной – мать первоначально воспринимается как источник пищи, тепла и т.п. необходимых для существования ребенка условий¹¹. Драма возникает тогда, когда ребенок обнаруживает, что он – не единственный «собственник» этого «источника» пищи и тепла. Способ разрешения этой драмы в конечном итоге и завершает формирование половой идентичности ребенка. Акцентируя сексуальный компонент эдипова комплекса, Фрейд так объясняет возможные перспективы, возникающие перед ребенком:

⁹ Freud S. *Three Essays on the Theory of Sexuality*. P. 245.

¹⁰ Freud S. *The Ego and the Id* // Gay P. (ed.). *The Freud Reader*... P. 640.

¹¹ Ibid. P. 641.

Он может либо поставить себя на место отца... и вступить в связь со своей матерью так же, как это делает его отец; в этом случае рано или поздно последний станет восприниматься как помеха. Либо ребенок может захотеть занять место своей матери и стать объектом любви со стороны отца, что делает в таком случае существование матери излишним¹².

До сих пор и концепция бисексуальности, и концепция эдипова комплекса представляли собой скорее социологическое и психологическое объяснение хода формирования человеческой сексуальности. Анатомический компонент этого процесса являлся не только не очевидным, но и не существенным. Попытка Фрейда увязать разрешение эдипова комплекса с появлением *комплекса кастрации* ставит всё на свои места и завершает его теорию сексуальности. Возможная двойственность полового развития преодолевается посредством осознания ребенком (причины) полового различия, во-первых, и занятием соответствующего места в сложившейся фаллической иерархии, во-вторых. Что конкретно имеется в виду? В рамках фрейдовской периодизации эдипов комплекс совпадает с генитальной стадией развития сексуальности ребенка¹³, для которой в свою очередь характерен принцип *пан-фаллизма*. Иными словами, фаллос/пенис воспринимается как всеобщий, универсальный атрибут человеческого существа вне зависимости от его пола. Ситуация меняется радикально, как только универсальность фаллоса сводится до уровня особенного. С точки зрения процесса идентификации это имеет ряд важных последствий – мать воспринимается отныне не как возможная модель развития, а как модель развития неудавшегося, несостоявшегося, т.е. *кастрированного*. В свою очередь, статус отца приобретает фаллическое значение во всех смыслах этого слова – от анатомического до властного. Ирония этой фаллической сексуальности, однако, заключается в следующем. Если «женственность» становится возможной в результате *признания* девочкой факта её исходной кастрации, то «мужественность» есть феномен, базирующийся на *страхе* возможной кастрации¹⁴. Страхе, изначально вызванном именно признанием факта частной, а не всеобщей природы фаллоса/пениса, с одной стороны, и осознанием того, что его наличие не гарантирует немедленного удовлетворения (в силу присутствия отца) – с другой¹⁵. Фаллическая мужественность, таким образом, есть всегда *потенциальная*, отложенная мужественность. Более того, неизбежность эдипова комплекса не предполагает неизбежности его позитивного разрешения. Неспособ-

(39)

ПОЛЕ ПОДА: В ЦЕНТРЕ И ПО КРАЯМ

¹² Freud S. The Dissolution of the Oedipus Complex // Gay P. (ed.). *The Freud Reader*... P. 663.

¹³ Ibid. P. 662.

¹⁴ См.: Lacan J. *Écrits*... P. 98.

¹⁵ Freud S. Female Sexuality // Young-Bruehl E. (ed.). *Freud on Women: A Reader*. New York, 1990. P. 326–327.

ность или нежелание воспринимать кастрированность женского «пола» и потенциальную возможность быть кастрированным ведет к разного рода психосексуальным практикам замещения: от фетишизма и гомосексуализма в первом случае до садизма и мазохизма во втором.

Несмотря на многочисленную критику в свой адрес, биологический фундаментализм продолжает сохранять своё значение как для понимания *процесса «сексуализации»* личности, т.е. процесса усвоения определенных моделей полового поведения, так и для понимания собственно *процесса формирования личности*, связанного с механизмами функционирования её – личности – сознательных и бессознательных компонентов.

С точки зрения философии и социологии пола биологический фундаментализм примечателен тем, что сводит феномен пола до уровня половых практик, уровня сексуальности. Пол, таким образом, лишен здесь какой бы то ни было метафизической окраски и понимается как способность индивида преодолеть симметрию между его собственным анатомическим строением и строением объекта его сексуального удовлетворения.

**Симона де Бовуар: «Женщиной не рождаются,
женщиной становятся»**

(40)

Фрейда – и фрейдизм в целом – многократно и справедливо упрекают в том, что, сведя весь процесс формирования субъективности к эдиповой драме, разыгранной «на троих», он тем самым оставил за рамками этого треугольника целый ряд других не менее, если не более, существенных факторов. Например, влияние социальных институтов на формирование семейного уклада и, таким образом, на изменения в сценарии эдипова комплекса.

Американский социолог Талкот Парсонс был одним из тех, кто впервые попытался на уровне социологической теории осмыслить известный марксистский тезис о семье как «ячейке общества»¹⁶, рассматривая семью как «одну из единиц в рамках общества, которое состоит из множества других семей и других типов союзов»¹⁷. Используя идеи Дюркгейма о развитии как комбинации центристических («интегрирующих») и центробежных («дифференцирующих») тенденций, с одной стороны, и фрейдистскую интерпретацию примата семейных отношений в деле формирования индивида, с другой, Парсонс стал видеть в семье не только социальный институт, непрерывно «производящий» уникальные в своей неповторимости личности, но и механизм, посред-

¹⁶ Parsons T. *Social Structure and Personality*. London, 1970; Parsons T. and Bales R. *Family, Socialization and Interaction Process*. London, 1956.

¹⁷ Parsons T. The Incest Taboo in Relation to Social Structure and the Socialization of the Child // Parsons T. *Social Structure and Personality*. P. 63.

ством которого «универсальные» категории находят свое локальное выражение. В итоге определяющими для описания процесса половой идентификации стали концепция *социальной структуры*, задающей параметры общества в целом, концепция *половых ролей*, порожденных данной структурой, и концепция *социализации* как способа усвоения половых ролей. Однако, в отличие от биологического фундаментализма, с его акцентом на «телесности» половой идентичности, структурный, или ролевой, фундаментализм в трактовке Парсонса понимает процесс идентификации несколько иначе. На первый план здесь выходит «заяние (*incorporation*) индивидуумом в ходе процесса социализации определенного статуса (*the status of membership*)» в том или ином сообществе¹⁸. Если использовать фрейдистскую терминологию, то пол в данном понимании увязывается не столько с *принципом удовольствия* (т.е. половыми практиками), сколько с *принципом реальности* (т.е. доступными половыми ролями).

Каким образом достигается это приобретение желаемого социального статуса? Каким образом статус проявляет своё существование и становится доступным для понимания? По Парсонсу, решающую роль в данной ситуации играет символическая функция объектов, явлений или людей, т.е. их способность выступать «индексом», «указателем» тех смыслов и значений, которые не связаны напрямую с данным объектом, явлением или человеком¹⁹. Говоря иными словами, статус становится «очевидным» во всех смыслах этого слова посредством очевидности *символов* статуса. При этом, в силу своей структурной (бинарной) природы, символ имеет смысл постольку, поскольку он включен в *систему* символов, т.е. совокупность взаимосвязанных и взаимосотносящихся знаков: например, смысл символа «мать» проявляется через его отношения с такими символами, как «отец», «ребенок», «супруга», «хозяйка» и т.п. Устойчивость связей между символами и позволила Парсонсу рассматривать «символико-знаковую *систему* как систему, составляющую базовую (*principal*) структуру ориентационной системы индивида (*an actor*)... и социальной системы как таковой»²⁰. С точки зрения половой идентификации ситуация развивается следующим образом. В рамках ориентационной системы индивида «отец... становится символом, а не просто личностью»²¹ и, осуществляя свою символическую функцию, превращается таким образом в

прототип такого качества, как «мужественность»; он является тем взрослым мужчиной, с которым у ребенка любого пола складываются наиболее близкие контакты и эмоционально наиболее важные отно-

¹⁸ Parsons T. *Social Structure and Personality*. P. 5.

¹⁹ См.: Parsons T. The Father Symbol: an Appraisal in the Light of Psychoanalytic and Sociological Theory // Parsons T. *Social Structure and Personality*. P. 35.

²⁰ Ibid. P. 36.

²¹ Parsons T. *The Father Symbol: an Appraisal...* P. 47.

шения. Для мальчика отец служит непосредственной моделью взрослого мужчины, а, в свою очередь, для девочки он является мужским дополнением к женственности ее матери, выступающей для нее – девочки – ролевой моделью²².

Важно при этом помнить, что в рамках структурного фундаментализма воспроизведение той или иной ролевой модели (*«прототипа»*) понимается как проявление стремления индивида «вписаться» в более широкий социальный контекст, в котором половые роли имеют «фундаментальное структурное значение» и выполняют прежде всего функцию различения²³. Иными словами, обретение пола есть процесс *обучения* традиционно сложившимся образцам поведения, каждое из которых трактуется либо как мужское, либо как женское. Любопытно, что при этом фрейдовский тезис о «конституциональной бисексуальности» личности понимается не как *исходная* точка в процессе освоения поля пола, а как *промежуточный* результат процесса обучения половым ролям²⁴. Промежуточный результат, который может быть «заменен» окончательным посредством *социализации* личности, т.е. посредством

механизма, при помощи которого ребенок одновременно должен и может интернализировать (т.е. признать «своими» – С.У.) системы ценностей *более высокого порядка*, чем те, которые могут быть ограничены исключительно... рамками семьи²⁵.

Таким образом, обучение «грамматике пола», как и любое обучение, оказывается неразрывно связано с механизмами власти – т.е. механизмами наказания и поощрения, – способствующими «правильному» воспроизводству социально значимых институтов («семья») и форм поведения («половые роли»), обеспечивающих существование данных институтов.

Акцент структурного фундаментализма на производном характере пола, на его абсолютной зависимости от тех социальных систем и функций, которые существуют в обществе, позволил ряду теоретиков рассматривать процесс *половой* дифференциации сначала как процесс *социальной*, а затем и *политической* дифференциации. В полном соответствии с исходным тезисом Парсонса усвоение половых ролей трактуется, например, Симоной де Бовуар как усвоение определенного места в сложившейся *иерархии* половых ролей²⁶. Вне зависимости от политической или философской ангажированности авторов общий вывод оста-

²² Parsons T. *The Father Symbol: an Appraisal...* P. 42.

²³ Ibid. P. 42, 44.

²⁴ Parsons T. The Superego and the Theory of Social System // Parsons T. *Social Structure and Personality*. P. 26.

²⁵ Parsons T. Social Structure and the Development of Personality: Freud's Contribution to the Integration of Psychology and Sociology // Parsons T. *Social Structure and Personality*. P. 100.

²⁶ См.: De Beauvoir S. *The Second Sex*. London, 1988.

ется неизменным: пол есть отражение сложившегося разделения труда в обществе, а следовательно, и имеющих материальных, моральных, политических и т.п. ресурсов²⁷.

Тереза де Лоретис: «Пол есть отображение отношений...»

Джудит Батлер, известный американский философ, размышляя как-то над вопросом «Ваш пол?», указала на двусмысленность явления, о котором идет речь. Что собственно имеется в виду, спрашивала она в своей книге, – некий конкретный атрибут, *владение* которым необходимо? Или образ жизни, который нужно *продемонстрировать* окружающим?²⁸ Помимо содержательной стороны, проблема имеет и формальный аспект – решение дилеммы носит вербальный характер, а следовательно, и диалоговую природу. Эти два фактора – отображающая («репрезентативная»), символическая, неявная, скрытая и/или скрываемая природа пола, с одной стороны, и дискурсивный, или речевой, способ его – пола – проявления, с другой, и стали основой, на которой сформировался *символический фундаментализм*. По меньшей мере, два момента являются ключевыми для понимания сущности пола в рамках символического фундаментализма. Это концепция фрагментированной, подвижной, *множественной идентичности*²⁹ и концепция *дискурсивных практик*, при помощи которых множественная идентичность реализует себя.

В упрощенном виде обе концепции могут быть представлены следующим образом³⁰. Для того чтобы стать членом сообщества – т.е. для того, чтобы занять *определённое/определяемое место* в рамках этого сообщества, – каждый индивид вынужден полагаться на принятый в данном обществе ассортимент средств самовыражения. Способность сочетать многочисленные, отличные друг от друга и реально используемые системы символов (*дискурсивных практик*) позволяет индивиду одновременно занимать различные статусные позиции. Обычно системы

(43)

ПОЛЕ ПОЛА: В ЦЕНТРЕ И ПО КРАЯМ

²⁷ Подробнее о теории половых ролей смотри в первой главе работы Ричарда Коннелла (Connell R. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, 1987).

²⁸ Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, 1990. P. 6–7.

²⁹ Ряд сторонников данной концепции предпочитают говорить не столько о «множественной идентичности», сколько о «субъективности» как единственной форме существования личности. См., например: Davies B. *Shards of glass: Children Reading and Writing Beyond Gendered Identities*. St. Leonard, 1993.

³⁰ Более подробно роль дискурсивных практик в формировании идентичности рассмотрена в моей статье: Ушакин С. После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5.

знаков, с помощью которых описываются позиции индивида, а также с помощью которых он сам описывает своё место в обществе, понимаются как непротиворечащие и/или дополняющие друг друга. В рамках сиволического фундаментализма этот факт внешней непротиворечивости понимается как проявление установленной иерархии дискурсов, благодаря которой одни из них рассматриваются как определяющие, а другие – как маргинальные. Иными словами, целостность личности есть следствие длительной работы по искоренению всего того, что эту «целостность» так или иначе нарушает. Данный вывод имеет смысл и в отношении половой идентичности, вернее, в отношении той иерархии, которая существует между разными символическими моделями пола³¹. Именно это осознание существующей соподчиненности дискурсов и практик, ими обозначенных, и позволяет индивиду выбрать и занять социально значимое (хотя и необязательно значительное) место в рамках той или иной группы. Вопрос, соответственно, в том, какие дискурсивные практики оказываются доступными в конкретный исторический период.

Мишель Фуко в своей *Истории сексуальности* показал, как именно, начиная примерно с середины XVII в., при помощи четырех типов дискурса в европейской культуре была установлена четкая взаимосвязь между понятиями «личность», «пол» и «сексуальность». Вернее, как личность стала пониматься именно через призму четырех дискурсивно оформленных типов сексуальности³². А сексуальность, в свою очередь, стала одним из тех элементов властных отношений, с помощью которого стали возможны разнообразные формы контроля и подчинения населения³³. О каких именно дискурсах идет речь? В терминах Фуко это *истеризация женского тела, сексуализация детей, социализация деторождения и психиатризация извращенных удовольствий*³⁴. Развивая сеть институтов (система образования, церковь, право, медицина, литература, искусство и т.д.), занятых постоянным воспроизводством «истины» о сексе/поле, западноевропейское общество Нового времени тем самым создало мощную индустрию картографии сексуальности, конечной целью которой стало уничтожение малейших «белых» пятен. Именно благодаря бесконечному потоку разнообразной литературы половые различия из юридико-экономической, частной категории, связанной с проблемами формирования кланов и передачи прав наследования, превратились в категорию онтологическую, универсальную, определяющую смысл и траекторию развития индивида. Категорию, пытающуюся уста-

³¹ Moore H. The problem of explaining violence in the social science. // Harvey P. and Gow P. (eds.). *Sex and Violence: Issues in Representation and Experience*. London, 1994. P. 144.

³² Macey D. *The Lives of Michael Foucault: A Biography*. New York, 1993. P. 355.

³³ Foucault M. *The History of Sexuality: Volume 1. An Introduction*. New York, 1990. P. 103.

³⁴ Ibid. P. 104–115.

новить неизбежную, необходимую и достаточную взаимосвязь между формой сексуального удовольствия, с одной стороны, и идентичностью индивида – с другой. Эта метаморфоза частного, эпизодического в онтологическое стала возможной благодаря двуетадийному процессу: активное производство, накопление и типологизация дискурсов о сексуальности сопровождалась не менее активным индивидуальным «востребованием» и «потреблением» производимых дискурсов. Сформированные нормативные модели сексуальности стали восприниматься на личностном уровне как единственно доступные средства *само*-выражения. В итоге, как замечает Фуко, примерно с середины XIX в. стало возможным появление целого ряда новых персонажей –

нервной женщины, фригидной жены, безразличной матери... импотентного и извращенного мужа-садиста, истеричной или неврастеничной юной особы, не по годам развитого, но уже изможденного ребенка и молодого гомосексуалиста, отрицающего брак или пренебрегающего женой³⁵.

Для символического фундаментализма принципиальным является то, что персонажи подобного рода стали результатом реализации принципа, положенного в основу общей классификации. Результатом того дедуктивного метода, с помощью которого демонстрируется верность общей концепции. Говоря метафорически, если при помощи какого-либо нового способа хочется оказаться непременно в «Индии», то в качестве «Индии» может служить первая же попавшаяся под руку «Америка». «Онтологизация» сексуальности и стала тем «новым» способом, с помощью которого попытались вновь обнаружить «Индию» идентичности.

Увязав воедино сексуальность и идентичность, мета-концепция *целостной личности* сделала невозможным анализ половых практик (и дискурсивных способов их репрезентации) именно как *практик* – т.е. *ситуативно*, а не телеологически обусловленных способов достижения полового удовольствия. На различении этих понятий, на демонстрации того факта, что сексуальность не всегда выступала в качестве одной из форм (политического) контроля общества, и фокусируется символический фундаментализм, утверждая, словами Фуко, что «удовольствие – это то, что возникает между двумя индивидами непосредственно, не прячась в тени идентичности. У удовольствия нет ни паспорта, ни идентичности»³⁶.

Помимо исследования риторических приемов и дискурсивных институтов, с помощью которых создается амальгама из сексуальности и идентичности, символический фундаментализм важен еще в одном отношении. В силу того что эта амальгама позволяет использовать по-

³⁵ Foucault M. *The History of Sexuality*... P. 104.

³⁶ Цит. по: Macey D. *The Lives of Michael Foucault*... P. 364.

ловые характеристики для отображения качеств и явлений, собственно с полом не связанных, пол, как замечает известный теоретик кино и пола Тереза де Лоретис, может использоваться для отображения отношений принадлежности к той или иной экономической, политической, культурной, религиозной, профессиональной и т.д. группам³⁷. Так в итоге происходит маскулинизация и/или феминизация сфер *социальной* деятельности. За примерами вряд ли стоит ходить особенно далеко – достаточно вспомнить «Рабочего и Крестьянку» В. Мухиной³⁸. Другим, не менее ярким, примером могут служить образы, активно используемые в средствах массовой информации для репрезентации таких понятий, как «нищета», «голод» или «эпидемия». Различные версии «измождённой женщины», как правило, африканского происхождения, с ребенком на руках и «старушек, просящих милостыню», ставшие типичными для репортажей *Си-Эн-Эн*, наглядно демонстрируют то, как абстрактные понятия, во-первых, используют в качестве «своего» базиса половые стереотипы, а во-вторых, «подверстывают» под них и такие категории, как «национальность» и/или «возраст».

В то же время именно эта многозначность и комплексность пола позволяет символическому фундаментализму говорить о невозможности вычленения некой основополагающей, *базовой* характеристики индивида. Что, естественно, ведет, с одной стороны, к отказу от *нормативной* концепции личности и, с другой, к её – личности – *релятивистской* интерпретации. Действительно, если личность есть «совокупность отношений», то насколько правомерно и реально отдавать приоритет той или иной «базовой» модели «совокупности»? Или тем или иным «базовым» моделям отношений? Не будет ли более оправданным в этой связи говорить о личности не столько как о *структуре*, сколько как о *конгломерате* разрозненных элементов? И, соответственно, не столько об идентичности, сколько об идентичностях. Среди которых половая идентичность – лишь одна из многих. В свою очередь неисчерпаемая. Почти так же, как и атом....

Дроби пола: от полу... до поли...

Попытаемся посмотреть на конкретных примерах, как именно та или иная теоретическая модель, описанная выше, интерпретирует пол, половую идентичность и половые практики. Речь пойдет о двух типах примеров – о различного рода этнографических свидетельствах, дающих

³⁷ Lauretis T. de. *Technologies of Gender: Essays on Theory, Film and Fiction*. Bloomington, 1987. P. 3–10.

³⁸ Анализ социальной символики этой скульптуры см., например: Doy G. Russia and the Soviet Union c.1880-c.1940: 'Patriarchal' Culture or 'Totalitarian Androgyny'? // Doy G. *Seeing and Consciousness: Women, Class and Representation*. Oxford, 1995. P. 135–137.

представление о реально существующей половой структуре того или иного общества, с одной стороны, и о различных формах отображения полового диморфизма в медицинском дискурсе – с другой.

Претензии «биологического фундаментализма» на универсальность «природных различий», на способность этих различий определять «суть» личности вне времени и вне пространства оказались несостоятельными при объяснении половой специфики такого явления, как «бердаш» (*berdache*). Изначально термин «бердаш» использовался для описания американских индейцев, входивших в состав определенной, устойчивой в своем существовании группы. Особенность членов этой группы заключалась в том, что их социальная и культурная роль в обществе представляла смесь традиционных «мужских» и «женских» моделей поведения. Иными словами, идентичность членов этой группы не вписывалась в рамки двуполярной половой структуры. Со временем под словом «бердаш» в антропологии стали понимать любого индивида, чья деятельность и одежда не соответствуют его/её биологическому полу³⁹.

Теоретическая сложность данного случая состоит в том, что использовать спасительный прием маргинализации, т.е. сведения того или иного феномена до уровня девиации, отклонения от установленной нормы, оказывается невозможным: среди американских индейцев бердаши традиционно пользовались высоким социальным престижем как в силу своих спиритуальных «талантов», так и благодаря способности выступать посредниками между двумя «основными» полами. Более того, по мере изучения этого явления стало очевидным, что бердашизм распространяется как на «биологических» мужчин, так и на «биологических» женщин⁴⁰. То есть, иными словами, не может быть квалифицирован как половая аномалия, типичная для определенного пола.

Теоретическая значимость «бердашизма» как социального явления заключается в наглядной демонстрации того факта, что «*половая идентичность*» может выступать в качестве вполне самостоятельного социально-психологического механизма, не имеющего в качестве своей основы анатомическое строение. Гарриет Уайтхед, проводившая антропологическое исследование среди бердашей, указала на возможную причину подобного рода невязанности «анатомии» и «судьбы». По её мнению, это обусловлено тем социальным контекстом, в котором формируется институт бердашизма. Контекстом, в рамках которого, во-первых, «спиритуальная», духовная составляющая является опреде-

³⁹ Shapiro J. Transsexualism: Reflection on the Persistence of Gender and the Mutability of Sex // Epstein L. and Straub K. (eds.). *Body Guards: The Cultural Politics of Gender Ambiguity*. London, 1991. P. 263.

⁴⁰ Bullough V. and Bullough B. Cross-dressing in Perspective // Bullough V. and Bullough B. (eds.). *Cross-dressing, Sex, and Gender*. Philadelphia, 1993. P. 3–4.

ляющей для понимания роли и судьбы индивида и где, во-вторых, разделение труда имеет большее символическое значение, чем разделение полов⁴¹.

Примером тому, что анатомия является по меньшей мере косвенным фактором при определении социального и сексуального статуса личности, может служить и структура индейского племени навахо (Navajo). По наблюдениям ряда исследователей, данное общество делится на три группы – мужчин, женщин и «нэдл» (*Nadles*), т.е. третий пол. В состав «нэдл» могут входить как анатомические гермафродиты, так и вполне «нормальные» с точки зрения анатомии индивиды, которые решили, что «третий пол» более соответствует их мироощущению⁴².

Сходную – промежуточную – социальную и сексуальную роль играют в исламском Омане ксанифы (*xanith*) – «биологические» мужчины, которые, с одной стороны, сохраняют ряд культурных и экономических привилегий мужского населения (юридически и грамматически они мужского рода), а с другой – имеют легитимные возможности вступать в неограниченные (преимущественно неполовые) контакты с женщинами, не являющимися их родственниками, что обычно недопустимо для остальных мужчин⁴³. В сексуальном плане ксанифы традиционно выполняют пассивную гомосексуальную роль. Отличительной чертой данного института является его «открытость» и временная «подвижность»: вход в сообщество ксанифов определяется индивидуальным поведением и маркируется соответственно разводом и/или подчеркнуто неполовыми контактами с женщинами. Выход из сообщества также «открыт» или отмечается женитьбой⁴⁴.

Данная разновидность «третьего пола» указывает на еще одну характеристику половой идентичности. Если бердаши акцентируют автономность *половой идентичности* по отношению к биологическому полу, то ксанифы «автономизируют» роль *института половых практик* (секса) в формировании половой идентичности. Иными словами, именно *половые практики* являются определяющими для социального статуса ксанифа, и изменение статуса напрямую зависит от конкретного полового поведения. При этом мужская *половая идентичность* ксанифа обладает менее подвижным характером и остается более или менее стабильной (например, в юридическом или грамматическом смысле) на всем протяжении эволюции его поведения.

⁴¹ Whitehead H. The Bow and the Burden Strap: A New Look at Institutionalized Homosexuality in Native North America // Ortner S. B. and Whitehead H. (eds.). *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality*. Cambridge, 1981. P. 100–103.

⁴² Bullough V. and Bullough B. *Cross-dressing in Perspective*. P. 5.

⁴³ Garber M. The Chic of Araby: Transvestism, Transsexualism and the Erotic of Cultural Appropriation // Epstein L. and Straub K. (eds.). *Body Guards...* P. 239–241.

⁴⁴ Shapiro J. *Transsexualism: Reflection on the Persistence...* P. 264–265.

Хотя статистически подобные случаи половой неопределённости и/или неопределимости развиваются в основном в направлении «от мужчины к женщине», обратная траектория движения также не является чем-то исключительным. В целом ряде африканских племен приняты так называемые «браки» между женщинами, в ходе которых женщина-муж приобретает все права на имущество, детей и услуги своей женщины-жены. Отношения между «супругами» в данном случае, как правило, полностью лишены сексуального компонента, если не считать того, что мужского партнера для своей жены выбирает ее законный женский «муж»⁴⁵. Женщине-вождю южноафриканского племени ловеду (Lovedu) соседние племена, стремящиеся установить хорошие отношения, традиционно дарили в качестве подарка жён. Некоторые из этих жён, в свою очередь, «передаривались» другим племенам, опять-таки из соображений политической целесообразности⁴⁶.

В отличие от ловеду, в кенийском племени нанди подобные же однополые браки вели к изменению половой идентификации женского «мужа». Женщина, как правило, в возрасте, не сумевшая произвести на свет наследника мужского пола, могла «жениться» для того, чтобы стать (приёмным) отцом сына-наследника своей «жены». Примечательно, что во избежание собственной компрометации, она должна была прекратить все половые контакты со своим мужским «мужем». Как замечает Регина Оболер, проводившая этнографическое исследование в Западной Кении, «мужественность» женщины-мужа в данном случае определяется не столько её анатомическим строением, сколько её ролью в экономическом укладе общества⁴⁷.

Подобные примеры однополых браков иллюстрируют одну важную социологическую закономерность. В том случае, когда юридические институты (наследование) или политические структуры (например, матриархат в племени ловеду) оказываются более существенными для функционирования общества, трансформации подвергаются идентификационные механизмы, чьё влияние на существующее распределение ресурсов и власти минимально. В итоге биологический пол становится несущественным при определении роли индивида в обществе. Вернее, биологический пол принимается в расчет до тех пор, пока он не вступает в противоречие с занятой социальной позицией. Как только такое противоречие возникает, изменяется не позиция, а индивидуальная половая самоидентификация.

Подведу предварительные итоги. Модели различной организации социальной и половой жизни, приведенные выше, позволяют говорить о том, что «пол», «половая идентичность» и «половые практики» нередко

⁴⁵ Shapiro J. *Transsexualism: Reflection on the Persistence...* P. 265–267.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Oboler R. Is the Female Husband a Man? Woman/Woman Marriage Among the Nandi in Kenya // *Ethnology*. 1980. Vol. 19. No 1. P. 83.

не имеют между собой никакой связи. Анатомия же, в свою очередь, не в состоянии служить наименьшим «общим знаменателем», способным уравнивать все дробы (возможного) полового поведения индивида. Традиционное анатомическое строение мужчин и женщин племени навахо не мешает им *быть* «третьим» полом. Гомосексуальная практика ксанифов из Омана не препятствует и не ставит под сомнение их женитьбу. Долгие годы замужества женщин племени нанди скорее способствуют, чем предотвращают, возможность «смены» традиционных половых ролей. Основным, определяющим фактором при понимании института пола является, таким образом, *доминирующая культурная парадигма*, придающая тому или иному акту, части тела или форме одежды специфическое половое значение.

Судьба анатомии: одна на двоих?

Хотя антропология и не устает приводить новые и новые доказательства того, что пол как социальный институт – т.е. как совокупность правил и норм поведения в определённой среде – может быть интерпретирован и «реализован» на практике по-разному, эти доказательства в основном трактуются как «несовместимые» с той или иной организацией уже сложившейся половой структуры. Более серьезные критики «культурного релятивизма» в понимании пола ссылаются на тело как конечную *«вне-культурную»* инстанцию, не позволяющую оторваться (надолго) от реальности⁴⁸. В рамках данной логики риторика «медиализации пола» – *scientis sexualis*, по определению М. Фуко⁴⁹, – является наиболее частым приёмом.

Посмотрим, действительно ли тело – или его части – может выступать в качестве своего рода «корректирующего» коэффициента, механически влияющего на психозмоциональные переменные, заключенные в «скобках». Вернее, посмотрим, насколько анатомический дискурс как система рассуждений о теле/поле является более «фундаментальным», более объективным, более идеологически и культурно нейтральным.

Следуя теоретической парадигме Мишеля Фуко о дискурсивной природе сексуальности, начиная примерно с середины 1970-х гг. целый ряд исследователей попытался восстановить генеалогию анатомического дискурса, историю процесса формирования понятий, считающихся краеугольными для данной формы теоретизирования. Одной из наиболее полных и значительных попыток такого рода является книга Томаса Лаккёра, в которой анализируются репрезентации тела в разного рода ме-

⁴⁸ В качестве, пожалуй, наиболее развернутой и теоретически обоснованной аргументации подобного рода см., например: Grosz E. *Volatile Bodies: Toward a Corporeal Feminism*. Bloomington, 1994.

⁴⁹ Foucault M. *The History of Sexuality*... P. 58–61.

дицинской литературе со времен античности до Фрейда⁵⁰. Примеры, которые приводит в своей работе Лакёр, не оставляют никаких сомнений в правильности его основного вывода о том, что

история отображения анатомических различий между мужчинами и женщинами поражающе независима как от действительной структуры половых органов, так и от совокупности знаний, имеющихся об этих органах. Идеология, а не аккуратность наблюдения определяла восприятие анатомических органов и их значение⁵¹.

Действительно, медицинские трактаты от Аристотеля до авторов эпохи Возрождения поражают устойчивостью тезиса о том, что гениталии мужчины и женщины *в сущности* есть одно и то же: разница состоит лишь в их пространственной ориентации. Например, Клавдий Гален из Пергама, оставивший во II в. н. э. корпус документов по анатомии, так аргументирует свой тезис:

Представьте себе, что гениталии мужчины вдруг оказались развернутыми внутрь его тела, расположившись между прямой кишкой и мочевым пузырем. Если бы это произошло, мошонка бы неизбежно оказалась на месте матки, а яички расположились бы по ее краям...

Представьте себе теперь матку, вывернутую наружу. Не окажутся ли в итоге яичники в её внешней части? Не станет ли она напоминать мошонку? Расположившись в промежуности теперь уже в качестве подвески, не превратится ли шейка [т.е. шейка матки и влагалище] таким образом в мужской член?⁵²

Исидор из Севильи, известный энциклопедист VII в., также пытался выстроить аналогичную систему доказательств, трактуя матку как живот, соответственно присущий обоим полам. Лакёр, приводящий этот пример, замечает, что подобная «животная» трактовка гениталий зафиксирована и на лингвистическом уровне: слово «*vulva*», использовавшееся в средние века в Европе для описания влагалища, произошло от «*valva*», буквально означающего «ворота живота»⁵³.

Сходства находились буквально везде – как в морфологии тела, так и в телесных выделениях. Вернее, искали не столько сходства, сколько различные вариации и версии одного и того же феномена. Кровотечения, например, рассматривались как явление, лишённое какой бы то ни было «половой» специфики. В результате Гиппократ трак-

⁵⁰ Людмила Иорданова предприняла сходную попытку, проанализировав, правда, не столько анатомический дискурс, сколько медицинские и так называемые «естественнонаучные» тексты более общего порядка. См.: Jordanova L. *Sexual Vision: Images of Gender in Science and Medicine between the Eighteenth and Twentieth Centuries*. New York, 1989.

⁵¹ Laqueur T. *Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud*. Cambridge, 1990. P. 88.

⁵² Цит. по: Laqueur T. *Making Sex*... P. 25–26.

⁵³ Ibid. P. 27.

товал кровотечение из носа, кашель с кровью и менструацию как симптомы одного и того же заболевания – лихорадки. Соранус, врач II в. н. э., определивший развитие гинекологии на пятнадцать последующих веков, пошел дальше, увязав менструацию с потоотделением и, соответственно, – с погодой. Чем выше температура воздуха, указывал медик, тем реже менструации⁵⁴. Выводы Гиппократ и Сорануса покажутся менее парадоксальными, если вспомнить более близкий по времени пример. Широко распространенная практика кровопусканий, лечения пиявками и т.д. имела сходное теоретическое обоснование – мужчины, как и женщины, должны были иметь свою форму регулярного «сброса» излишней крови⁵⁵.

Парадигма полового единства, которую можно описать формулой «один-пол-на-двоих», объяснялась, разумеется, не тем, что различия были не очевидны: авторы-мужчины не допускали никаких заблуждений по поводу того, кому и как участвовать в процессе деторождения. Скорее, телесные различия не являлись базовыми для понимания существенных процессов, происходивших с индивидом⁵⁶. Как верно замечает Лакёр, пол являлся социологической, а не онтологической категорией⁵⁷. Французское законодательство XVI–XVII вв., посвященное анатомическим гермафродитам, – яркий пример подобной «социологии пола». Многочисленные судебные случаи данного периода свидетельствуют об одном – тяжесть выбора половой идентичности ложилась на плечи самого гермафродита. Общественные санкции применялись только в случае несоблюдения им/ей правил, присущих выбранной модели полового поведения⁵⁸.

⁵⁴ Laqueur T. *Making Sex...* P. 37.

⁵⁵ См.: Martin E. *The Woman in the Body*. Boston, 1987. P. 31; Jones A. R. and Stallybrass P. *Fetishizing Gender: Constructing the Hermaphrodite in Renaissance Europe* // Epstein and Straub (eds.). *Body Guards...* P. 81.

⁵⁶ Сходная ситуация наблюдалась и в другой области, менее связанной непосредственно с телом, но тем не менее, как принято думать, «отражающей» анатомические различия – в моде. Многочисленные исследования в области истории моды практически единодушны в одном – примерно вплоть до Французской революции 1789 г. одежда представляла собой не что иное, как «хаос андрогинности» (Wilson E. *Adorned in Dreams: Fashion and Modernity*. Berkeley, 1985. P. 121). Практически всеобщий трансвестизм имел тем не менее социальные основы – одежда, как и пол, была призвана обозначить место на социальной лестнице, а не исходную, данную сущность индивида. Подробнее о роли моды в формировании нормативов «мужественности» и «женственности» см.: Craik J. *The Face of Fashion: Cultural Studies in Fashion*. London, 1994.

⁵⁷ Laqueur T. *Making Sex...* P. 142.

⁵⁸ Jones A. and Stallybrass P. *Fetishizing Gender...* P. 91. В статье приводится пример судебного случая 1601 г., по которому молодой парижский гермафродит был приговорен к повешению, а затем и сожжению за то, что, приняв официально статус мужчины, он впоследствии позволил «использовать свое тело в качестве женского» (ibid, p. 90). Как свидетельствует этот случай – анато-

Еще одним примером роли идеологии в формировании анатомического дискурса о поле может служить история репрезентации женского скелета. Как бы это ни казалось удивительным сегодня, но вплоть до середины XVIII в. существовала лишь одна – так называемая «человеческая» – модель скелета. Основатель современной анатомии – Андреас Везалий (Andreas Vesalius) – в своих анатомических атласах сознательно избегал попыток «сексуализировать» кости, считая, что половые различия заканчиваются на уровне кожного покрова. Фундамент же *человека*, по мнению анатома, оставался единым⁵⁹.

Активные попытки создания женского скелета датируются периодом 1730–1790 гг. В 1734 г. Бернар Альбинус (Bernhard Albinus), известный автор ряда анатомических иллюстраций, создав «идеальный» мужской скелет, выступил с призывом создать и «женский». Уже в 1796 г. немецкий анатом Самуэль фон Шоммерринг (Samuel von Soemmerring) опубликовал первое, по его мнению, описание анатомического строения женщины. Более полувека ушло на формирование идеологии *различий*. Показательно, что все участники этого «коллективного» проекта были предельно откровенны в своих стремлениях создать «идеальный» – т.е. *образцовый* – женский скелет. Уже упомянутый Шоммерринг так описывал свой профессиональный подход:

Более всего я стремился найти женское тело, которое отличало бы не только его молодость и способность к деторождению, но и гармония конечностей, красота и элегантность, сходные с теми, что предки приписывали Венере⁶⁰.

То, что «идеальность» тела (т.е. фактически – скелета!) ассоциировалась с его репродуктивными способностями, вряд ли вызывает какое-либо удивление. Любопытен другой аспект этой анатомической идеологии. Изыскания Шоммерринга дали не совсем ожидаемый результат. Ко всеобщему удивлению анатом обнаружил, что череп женщины в среднем больше и тяжелее черепа мужчины⁶¹. Так как доминирующее мнение сводилось к тому, что параметры черепа формируются под давлением массы мозга, то закономерным выводом было признание приоритета объема женского головного мозга по отношению к мужскому. Мужчине, в свою очередь, принадлежало первенство по объему костной (и в определенной степени – мышечной) ткани. В век рационализма данная ситуация, разумеется, не могла длиться долго. Уже в 1820-х гг. в ряде своих работ Джон Барклай (John Barclay), физиотерапевт из Эдин-

мия далеко не являлась определяющей; скорее, конкретная судьба придавала смысл анатомическому строению.

⁵⁹ Schiebinger L. *Skeleton in the Closet: The First Illustration of the Female Skeleton in Eighteenth-Century Anatomy* // Gallagher T., Laqueur T. (eds.). *The Making of Modern Body*. Berkeley, 1987. P. 47–48.

⁶⁰ Цит. по: Schiebinger L. *Skeleton in the Closet*... P. 62.

⁶¹ Отношение массы черепа к массе скелета у женщины – 1/6, тогда как у мужчины – от 1/8 до 1/10 (Schiebinger L. *Skeleton in the Closet*... P. 64).

бурга, блестяще использовав риторический прием метафоры, сравнил череп женщины не с черепом мужчины (как это делалось до него), а с черепом ребенка. Большой объем головного мозга, таким образом, стал результатом не его успешного развития, а свидетельством его недоразвитости⁶². Не остановившись на этом в своих метафорических поисках, Барклай достиг полной инверсии ситуации, сопоставив в своих иллюстрациях скелет мужчины со скелетом лошади, а скелет женщины – со скелетом страуса. Так, в итоге, отличительными признаками «женского» скелета стала не величина черепа, а размер тазовых суставов.

Примеры подобного рода, разумеется, не ограничиваются анатомическим дискурсом. Как свидетельствуют многочисленные работы, физиология человека не избежала подобного же рода идеологической индоктринации⁶³. Не вдаваясь в подробности дебатов, ведущихся вокруг проблемы роли гормонов в определении пола и/или половой идентификации, лишь замечу, что традиционное употребление терминов «мужские» (*андрогены*) и «женские» (*эстрогены*) гормоны имеет, как считают специалисты в этой области, столько же смысла, как и разделение бактерий по половому признаку. Дело даже не в том, что и те и другие гормоны воспроизводятся организмами обоего пола, не в том, что гормоны способны трансформироваться из одной формы в другую⁶⁴, и даже не в том, что после менопаузы у женщин количество «женских»(!) гормонов меньше, чем у мужчин их возраста⁶⁵. Дело в том, что, в полном соответствии с правилами структурной лингвистики, название («означающее») здесь не имеет ничего общего с тем объектом («означаемым»), которое оно призвано обозначить. Даже если речь идет о такой, казалось бы, нейтральной дисциплине, как анатомия.

Таким образом, археология медицинского дискурса свидетельствует об одном – концепция пола всегда является частью более общей кар-

⁶² Немецкий врач Е. Познер, говоря, правда, о женском теле в целом, сформулировал, например, данный подход следующим образом: «Поскольку женский пол завершает свое развитие раньше, чем мужской, не достигнув, таким образом, полной зрелости, особа женского пола сохраняет свою детскую округлость» (см.: Schiebinger L. *Skeleton in the Closet...* P. 65). Хотя подобного рода сравнения и не отличались новизной в принципе, они показательны иной контекстуализацией – пол стремительно превращался из категории социологической в категорию *анато*мо-социологическую. «Природные» различия должны были быть сконструированы для того, чтобы оправдать различия социальные.

⁶³ Rosner M. and Jonson T. Telling Stories: Metaphors of the Human Genome Project // *Hypatia*. 1995. Vol. 10. No 4. P. 104–129. Подробный анализ «метафоризации» так называемых точных наук см. в работах Донны Харавэй, биолога и историка науки из США (Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. London, 1991).

⁶⁴ Spanier B. «Lessons» from 'Nature': Gender Ideology and Sexual Ambiguity in Biology // Epstein and Straub (eds.) *Body Guards...* P. 329–350.

⁶⁵ Andersen M. *Thinking About Women: Sociological and Feminist Perspectives*. New York, 1983. P. 31–33.

тины. Донна Харавэй в этом плане абсолютно права, заявляя, что история науки как формы практики может и должна включать в себя анализ её *политического* компонента, проявляющегося в категориальном аппарате, системах классификации, да, собственно, и в выборе самого объекта исследования⁶⁶. Следуя Мишелю Фуко, вполне закономерно в этой связи рассматривать науки, призванные «прояснить» истину о сущности пола и половой идентичности, как одну из форм «биополитики среди населения»⁶⁷, чьей естественной целью является максимизация не только интеллектуального, но и телесного контроля.

Подведем итоги. Рассмотренные выше теоретические модели и примеры конкретных практик и репрезентаций пола, на мой взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что пол имеет свою историю. Которую вряд ли стоит сводить к тому или иному фундаментализму. И которую вряд ли стоит подменять историей понятий и концепций, не имеющих адекватных символических форм в русском языке. Что, тем не менее, не отменяет необходимости большей четкости в использовании уже имеющих терминов. По-видимому, возможна следующая дифференциация понятий.

Под «*полом*» можно понимать сложившуюся в обществе взаимосвязь между конкретным анатомическим строением индивида и предлагаемым ему набором специфических, социальных ролей, (якобы) связанных существенным образом с этим строением. В данном плане определяющими аналитическими категориями являются пол «*биологический*» и пол «*социальный*». Необходимо при этом, безусловно, иметь в виду, что и «*биологический*», и «*социальный*» полы имеют одну, так сказать, природу – культуру. Данное противопоставление носит скорее тактический и стилистический характер и имеет своей целью продемонстрировать автономность «*социального*» пола, его абсолютную несвязанность с анатомией.

«*Половая идентичность*», в свою очередь, отражает не столько роль общества в определении (половых) параметров индивида, сколько способность (или неспособность) индивида ограничить себя рамками моделей, предложенных ему для (само)идентификации. В этой ситуации половая идентичность может не совпадать с биологическим *полом* (трансвеститы и транссексуалы) или с нормативной гетеросексуальной *практикой* (женщины племени ловеду). Более того, сама половая идентичность может пониматься не столько как точка/результат идентификации, сколько как протяженность, процесс, далеко не всегда гладкий и ровный. В итоге возможны разные варианты «мужественности» и «женственности». Вернее, «*мужественностей*» и «*женственностей*» стано-

⁶⁶ Gordon A. Possible Worlds: An Interview with Donna Haraway // Ryan M. and Gordon A. *Body Politics: Disease, Desire, and the Family*. Oxford, 1994. P. 248.

⁶⁷ Macey D. *The Lives of Michael Foucault...* P. 139.

вится много, и цель анализа половой идентичности, таким образом, состоит в определении сложившихся социальных и культурных иерархий, строящихся по половому принципу. Ключевыми понятиями здесь являются завершенность или незавершенность (само)идентификации субъекта, периферийные и доминирующие модели половых идентичностей, способы и механизмы идентификации.

И наконец, *«половые практики»* описывают способы, формы и объекты, с помощью которых индивид достигает сексуального удовольствия. Роль исторического анализа в данном случае сводится к определению взаимоотношений между сложившимися культурными формами организации сексуальной жизни и более общим социально-политическим контекстом, благодаря которому та или иная сексуальная практика приобретает нормативное значение. Основными аналитическими концепциями могут быть, следовательно, идеи о социальной природе удовольствия и влечения, о биополитическом характере контроля половых практик и о динамике выбора сексуального объекта.

Естественно, что развитие терминологического аппарата не является самоцелью. Аппарат эволюционирует в ходе самого исследования, и лингвистические заимствования зачастую неизбежны. Вопрос в том, как не свести исследование исключительно к заимствованию аппарата. Или, иначе, – как сделать доступным поле поля...

1997 г.